

Если у Гейла и имелись какие-то неоспоримые достоинства, то в первую очередь стоило упомянуть его неисправимый оптимизм. Жизнь впроголодь и вечная борьба за выживание закалили не только его характер, но и саму душу.

— Передай мне вон ту штуку! — крикнул Валентин.

Гейл послушно швырнул приятелю какую-то деталь — он даже не догадывался, для чего служит эта мешанина из плат и проводов.

И дело тут было вовсе не в покорности судьбе. Скорее, Гейл следовал простому, хоть и циничному правилу: если жизнь пытается тебя поиметь, а сопротивляться бесполезно, то лучше расслабиться и попытаться получить удовольствие.

К тому же, всё складывалось не так уж скверно. Валентин, при всей своей несносности, был чертовски красив. И пускай в глубине души Гейл всё еще испытывал смутную неловкость при мысли о гейских отношениях, он уже ловил себя на том, что взвешивает все «за» и «против».

В одном Валентин оказался абсолютно прав: они оба были чужаками в этой эпохе. Мальчишка с ходу раскусил его, и Гейл понимал, что без чужого руководства он, даже вырвавшись отсюда, нажил бы себе кучу неприятностей на ровном месте.

Худшего расклада, пожалуй, и представить было нельзя.

Попытавшись взглянуть на ситуацию трезво, Гейл признал: их союз, скрепленный кольцами, куда надежнее любых словесных договоренностей. С этими побрякушками на пальцах можно не опасаться удара в спину — ведь благодаря им они постоянно находились на виду друг у друга.

Снять кольцо всё равно не получалось, так что оставалось только смириться.

«А что будет дальше, — подумал Гейл, — пес его знает!»

Честно говоря, Гейл не слишком-то верил заверениям Валентина, будто кольцо намертво приросло к пальцу. Но сейчас им обоим требовалось держаться вместе, и он благоразумно решил помалкивать.

Стоит признать, Валентин действительно соображал невероятно быстро. В самый первый день он мимоходом починил старый голографический телевизор с таким видом, будто на лбу у него было написано: «Проще простого».

Впрочем, для него это и впрямь было пустяком.

Копаться в сложнейших схемах, от одного взгляда на которые у Гейла рябило в глазах, для Валентина было делом столь же незатейливым, как для обычного человека — вкрутить лампочку.

— Так ты утверждаешь, что следующий мусоровоз прилетит только через два месяца? — спросил Валентин.

Гейл кивнул:

— Если быть точным, то через пятьдесят семь дней.

— А ты неплохо считаешь, — Валентин слегка усмехнулся. — Придется поднапрячься, чтобы собрать хоть что-то путное за этот срок... М-да, задачка со звездочкой.

— Что ты задумал? — поинтересовался Гейл.

Валентин давно выпотрошил свой мини-флайер, на котором рухнул на планету, и достал оттуда ящик с инструментами. Летательный аппарат он разобрал практически до винтика. Большинство его деталей были изготовлены из материалов, о которых нынешняя промышленность даже не слышала, а после того как иссякли аккумуляторы, этот шедевр будущих технологий превратился в грудку бесполезного хлама — зарядить его здесь было попросту нечем.

Когда Гейл впервые увидел, как Валентин достает тяжеленный, в половину человеческого роста ящик с инструментами из крошечной капсулы размером со швейный наперсток, он едва не лишился дара речи от изумления.

В первый миг ему показалось, что у приятеля тоже есть встроенный игровой инвентарь.

— Свертывание, искривление и прыжки сквозь пространство и время, — Валентин мгновенно перехватил ошеломленный взгляд Гейла и самодовольно усмехнулся. — В шестнадцатом веке Эры Звездной реки это совершенно обыденные технологии. Этот способ хранения вещей основан на технике складывания пространства: нужные предметы помещаются в карманное измерение, которое затем сжимается до микроскопических размеров. В твою эпоху ученые уже выдвинули подобные гипотезы, но на практике освоили лишь пространственно-временной прыжок, да и тот пока работает через пень-колоду. До практического применения технологии складывания пространства вам еще расти и расти.

В его голосе зазвучала гордость:

— И сейчас в этом мире я единственный, кто способен на подобное.

Мальчишка действительно был непревзойденным гением технологий, явившимся из далекого будущего.

— И что ты собираешься мастерить? — любопытствовал Гейл.

Валентин даже головы не поднял от работы:

— Всё, на что хватит подручных ресурсов. И кстати, не смей бездельничать. Зубри всеобщую речь, а то за пределами этой помойки никто твое древнее наречие и слушать не станет.

Гейл послушно притих.

Это чудо-кольцо, помимо прочего, скрывало в себе колоссальную базу данных — настоящую виртуальную библиотеку. Валентин открыл Гейлу полный доступ к своим архивам, где отыскились и подробные самоучители по всеобщему языку. Чтобы закрепить знания на практике, Валентин теперь половину времени общался с ним исключительно на этом новом наречии.

Всеобщая речь не походила ни на один из языков, известных Гейлу ранее. Разве что изредка в ней проскальзывали искаженные заимствования, отдаленно напоминавшие китайский, английский или испанский. С точки зрения зубрежки этот футуристический диалект оказался ничуть не сложнее английского. В прошлой жизни Гейл всё же умудрился сдать самый сложный экзамен по английскому, а в новом теле его когнитивные способности и вовсе вышли на какой-то запредельный уровень. Только усевшись за учебу, он осознал, насколько цепкой и глубокой стала его память.

«Эх, будь у меня такие мозги в прошлой жизни, разве пришлось бы мне так пахать на копеечных работах!»

С таким наставником, как Валентин, и его собственной феноменальной, почти абсолютной памятью освоение языка продвигалось семимильными шагами. Настоящим наказанием стало другое: неугомонный Валентин заставил его учить еще несколько самых сложных дисциплин.

Наступил полдень. Солнце, пробиваясь сквозь вечный удушливый смог мусорной планеты, нещадно палило.

Валентин, натянув тончайшие, словно крылья цикады, инженерные перчатки, сосредоточенно перебирал тонкие жилы оптоволокну, пока другая его рука порхала над сенсорной клавиатурой микрокомпьютера, выводя бесконечные строки программного кода.

Технологические секреты, ради которых влиятельные корпорации были готовы развязать войну, хранились исключительно в его голове и памяти этого кольца. Умный перстень обладал абсолютной биометрической защитой: попытайся кто-то снять его силой или вопреки воле

хозяина — и устройство мгновенно превратилось бы в бесполезный шлак. Именно поэтому его враги не решались на крайние меры. Даже если бы они отрубили парню палец, кольцо тут же стерло бы все данные.

Именно поэтому, когда Валентина в конце концов признали «особо опасным» государственным преступником и приговорили к пожизненному изгнанию, его преследователи не прекратили своих попыток. Эта жадность и подарила ему шанс совершить дерзкий побег. Окажись он на Острове-тюрьме, даже со всеми своими талантами он вряд ли смог бы вернуть себе свободу.

Хотя... слово «вряд ли» для него не означало «невозможно».

В жизненном словаре Валентина попросту не существовало понятия «невозможно».

Выделив Гейлу половину прав доступа к возможностям кольца, он нисколько не рисковал. Было бы верхом абсурда предполагать, что этот парень из дикой эпохи сможет разобрать хотя бы одну из его сложнейших схем или зубодробительных квантовых формул.

Чуть поодаль Гейл махал тяжелым молотом. Парень работал с обнаженным торсом — для подростка его телосложение выглядело на удивление ладным, с рельефно очерченными мышцами плеч и спины. С каждым тяжелым ударом молота, опускавшегося на раскаленный металл, он сосредоточенно бубнил себе под нос правила всеобщего языка.

К совмещению физического труда с учебой Гейлу было не привыкать: в прошлой жизни он вечно вкалывал на нескольких работах, чтобы оплатить учебу в университете.

Импровизированную наковальню он соорудил буквально из того, что подвернулось под руку. Вообще-то он занимался кузнечным делом впервые в жизни, но... процесс шел на удивление легко. Всё потому, что его игровой персонаж обладал редкой специализацией в ремесле «Кузнечного дела». С кулинарией дела обстояли похуже — ее он успел прокачать лишь до 60-го уровня, да и то исключительно ради крафта простенькой еды на продажу, чтобы фармить игровое золото. Будучи закоренелым приверженцем бесплатной игры, не тратящим на донат ни единого реального гроша, Гейл привык экономить и выжимать максимум из всех доступных механик. Помимоковки и кулинарии, он даже успел немного развить навыки лекаря.

Так что махать молотом для него было делом столь же естественным, как дышать или спать.

Виртуальное кузнечное мастерство не сводилось к банальной отливке чугунных чушек. Оно требовало ювелирной точности: выведения тончайших узоров на эфесах и заточки лезвий до бритвенной остроты. Неудивительно, что способность Гейла укрощать грубый металл превзошла самые смелые ожидания футуристического гения.

Любуясь точными, почти завораживающими движениями Гейла, Валентин заметил:

— Судя по тем крохам информации, которые тебе удалось собрать на этой свалке, сейчас на дворе примерно 1267 год Эры Звездной реки.

— Угу, — отозвался Гейл, не сбавляя темпа. — В твоей библиотеке ведь есть исторические хроники?

— И не только они. Там куча подробных технических справочников, — с легким вздохом подтвердил Валентин. — В моем времени эти терабайты информации гроша ломаного не стоили, а в эту дикую эпоху за любой из этих файлов тебе мгновенно башку открутят.

С этим утверждением спорить было трудно.

На самом деле, по сравнению с возможностями Валентина, его собственный игровой интерфейс казался жалкой детской игрушкой. «Чит-коды» этого малолетнего гения просто зашкаливали.

Пальцы Валентина без усталости выстукивали сложнейшие алгоритмы. По экрану его портативного терминала бесконечным водопадом струились строчки данных.

— Знаешь, человечество покинуло Землю больше тысячи лет назад, — заговорил он. — Звучит красиво, вот только в угаре войн и кризисов мы ухитрились растерять едва ли не половину собственной истории. Думаю, ты о тех временах знаешь побольше моего. Отсчет Эры Звездной реки начал вестись с момента исхода людей с планеты. Первые столетия выдались адски тяжелыми. Мы никак не могли вырваться за пределы Солнечной системы, пока технологии пространственно-временных прыжков не совершили качественный рывок. Только тогда мы смогли заселить Галактику Млечный Путь. В борьбе за выживание человечество понесло колоссальные потери: население сократилось до критического минимума, зато уцелевшие прошли через мощнейший эволюционный отбор.

Гейл опустил молот и протянул ему тщательно обработанную тонкую металлическую пластину:

— Погляди, так пойдет?

Валентин принял деталь, прищурился, оценивая качество, и удовлетворенно кивнул:

— Отлично. А теперь взгляни сюда. Сделай мне литьевую форму вот по этому эскизу. Чем точнее выйдет, тем лучше.

Валентин ловил себя на мысли, что его случайный попутчик оказался настоящей находкой. Гейл и сам не подозревал, насколько он уникален. Даже в продвинутом шестнадцатом веке мастер с подобным чутьем металла ценился бы на вес золота и получал баснословные гонорары. Большую часть рутинной работы в будущем давно переложили на плечи автоматики,

однако творческую искру и интуитивное понимание материала не способен симитировать ни один, даже самый совершенный искусственный интеллект.

— Был в древности один ученый по фамилии Дарвин, — неожиданно добавил Валентин. — Он утверждал, что выживание определяет естественный отбор. И он чертовски прав.

Гейл лишь молча покачал головой. Слышать, как Дарвина буднично именуют «древним», было чертовски непривычно.

— Освоение Млечного Пути было лишь прелюдией, простой борьбой с суровой средой, — продолжил Валентин. — В 203 году Эры Звездной реки началась великая экспансия за пределы Солнечной системы. Спустя два столетия, к 465 году, люди успели сколотить прочный фундамент. Но тут навалились беды: внутренние распри переплелись с внешними угрозами. В этой череде взлетов и падений, растянувшейся на добрых шестьсот лет, границы обитаемого космоса неуклонно раздвигались. Мы покинули родную галактику и шагнули в бескрайнюю бездну вселенной. И вот, когда внешние враги были наконец истреблены, а наш технологический уровень поднялся так высоко, что ни одна космическая тварь больше не могла угрожать человечеству, случилось неизбежное...

— Жажда власти выиграла? — предположил Гейл.

История вечно ходила по кругу: великие империи рождались лишь для того, чтобы со временем сожрать самих себя и распасться.

Валентин на секунду занес пальцы над сенсорной панелью:

— Именно так. Середину тринадцатого века Эры Звездной реки историки называют емко и просто: «Эпоха хаоса».

Гейл вновь обрушил молот на металл:

— Смутные времена — это не так уж плохо.

— Твоя правда... — Валентин загадочно улыбнулся.

— Послушай, а за какие грехи тебя вообще упекли в ссылку в твоём продвинутом веке? — напрямую спросил Гейл.

В его понимании этот парень тянул на первоклассного хакера-рецидивиста, промышлявшего высокотехнологичным саботажем.

Валентин и не думал скрывать правду:

— Да так, мелочи, — небрежно отозвался он. — Подделал несколько личностей, чтобы внедриться в ведущие научно-исследовательские центры и секретные лаборатории, позаимствовал парочку перспективных разработок, ну и попутно сорвал кое-кому несколько оружейных сделок государственного масштаба.

Гейл так и застыл с поднятым молотом.

«Связываться с таким типом... Действительно ли это хорошая затея?»

Пусть кольца на пальцах и навязывали им статус супругов, на деле это партнерство оставалось чисто деловым. Гейлу на вид было не больше пятнадцати лет, Валентину — примерно столько же. Каким бы зрелым ни был их внутренний мир, внешне они оставались всего лишь парой угловатых подростков со следами детской припухлости на лицах. К тому же за прошедшие два месяца им было попросту некогда думать о глупостях — оба пахали как проклятые.

Всеобщий язык давался Гейлу на удивление легко. Он уже свободно читал и понимал чужую речь на слух. С произношением дела обстояли чуть хуже: феноменальная память помогала усваивать тонны лексики, однако речевой аппарат приходилось тренировать вручную. Валентин резонно посоветовал ему за пределами базы держать рот на замке и косить под немоего, что снимало большинство вопросов.

Что примечательно, у Валентина уже имелся четкий пошаговый план действий на период после побега. Размышляя об этом, Гейл признавал, что иметь под боком столь расчетливого и гениального союзника — огромная удача.

Гейл скрупулезно изучил траектории и график прибытия космических мусоровозов на Землю. Помимо гигантских транспортных барж, орбитальный мусор периодически сбрасывали с помощью одноразовых грузовых шаттлов. Эти дешевые жестянки отправлялись в полет в один конец: их клепали из самого бросового металла, так что жесткая посадка и деформация корпуса никого не волновали. Как-то раз подобный беспилотник рухнул буквально в паре сотен метров от Гейла, едва не превратив его в лепешку и неслабо напугав.

Однако их целью был совсем другой корабль — колоссальных размеров автоматический сборщик утиля, прилетающий строго раз в сто дней. Это судно собирало высокотехнологичный лом для вторичной переработки. Его поисковые системы прочесывали огромные площади, загребая уцелевшие микросхемы, редкоземельные сплавы и прочую ценную электронику. Корабль проводил на Земле ровно сутки, после чего брал курс на обитаемые миры.

Несмотря на циклопические масштабы Земли, маршрут этого исполинского пылесоса подчинялся строгому алгоритму: при каждом новом цикле зона сбора смещалась ровно на пятьдесят километров к востоку. Гейлу чертовски повезло — в день своего появления в этом мире он очнулся как раз посреди сектора, охватываемого вторым и третьим рейсами. Проследив эту закономерность, он приспособился кочевать с места на место, устраивая лагерь поблизости от расчетных координат посадки.

19 мая 1267 года Эры Звездной реки Гейл и Валентин скрытно поднялись на борт транспортного корабля, увозившего очередную партию утиля на планету Уран.

Именно отсюда брала свое начало история, которой суждено было стать легендой.

<http://bllate.org/book/19793/2000873>